

С. Н. Иконникова, И. В. Леонов

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург

Запрет и цензура в культуре: связь и различие

В статье раскрывается характеристика категории запрета. Рассматривается роль запрета в формировании культуры. Обозначается специфика цензуры как составной части культурных запретов. Дается краткий анализ различных форм и сфер цензуры в истории культуры. Отдельное внимание уделяется развитию цензуры в культуре Европы Нового времени. Осуществляется анализ неоднозначной роли цензуры в культуре России XX–XXI вв. Раскрывается специфика цензуры в контексте тоталитарного строя, а также в рамках исторического перехода постсоветского периода. Анализируются положительные и отрицательные стороны тотального контроля и вседозволенности как крайних форм решения проблемы культурного ценза. Обозначается задача поиска оптимальных форм и допустимых рамок цензуры в современной культуре России, ставшей на путь стабилизации.

Ключевые слова: запрет, табу, цензура, переходность, тоталитаризм, химера, псевдоморфоз, демократия, свобода.

S. N. Ikonnikova, I. V. Leonov

St.-Petersburg State Institute of Culture, St.-Petersburg

Suppression and Censorship in Culture: Connection and Difference

The article describes the characteristics of the category of suppression. The role of suppression in the formation of culture is considered. The specificity of censorship as an integral part of cultural prohibitions is indicated. A brief analysis of various forms and spheres of censorship in the history of culture is given. Special attention is paid to the development of censorship in the European culture of the New Age. The author analyzes the ambiguous role of censorship in the culture of Russia of the XX–XXI centuries. The specifics of censorship in the context of the totalitarian system is revealed, as well as in the framework of the historical transition of the post-Soviet period. The positive and negative aspects of total control and permissiveness as extreme forms of solving the problem of cultural qualification are analyzed. The task of finding the optimal forms and admissible

frameworks of censorship in modern culture of Russia which has become on a way of stabilization is designated.

Keywords: *suppression, taboo, censorship, transitivity, totalitarianism, chimera, pseudomorphism, democracy, freedom.*

В истории культуры категория запрета имеет достаточно широкий диапазон значений. Запрет отражает стремление людей к определению границ дозволенного поведения в тех или иных условиях и пределах, желание сохранить стабильность общепринятых ценностей и передать их последующим поколениям, предупредить возможные нарушения и отступления от традиций, обеспечить безопасность жизнедеятельности. На этой основе создавались многочисленные предписания, кодексы и законы, моральные, правовые нормы и каноны, поддерживаемые традициями и санкциями различной степени строгости.

«Историческую ткань» культуры во многом образуют табу и запреты на действия, названия, слова и предметы. Изучение генезиса сетки запретов дает возможность реконструировать взаимоотношения между родственниками, между обществом и властью, между культурами, этническими сообществами разной степени близости. Оно раскрывает суть многих конфликтов и психологического напряжения, связанного с нарушением запретов.

Основой табу и запретов изначально был страх, эмоции испуга, ужаса, трепета, подкрепляемые необратимостью последующего наказания, неизбежной расплатой за содеянное. Это объясняет прочную вплетенность запрета в археологию сознания человека, в его глубинные ментальные структуры, вплоть до сферы архетипического. На протяжении культурогенеза культурно-исторические реалии менялись многократно, но запреты до сих пор формируют осто́в и характер отношений между людьми, постепенно подкрепляясь не только чувством страха, но и их добровольным принятием.

Социокультурную сущность запретов и табу изучали многие ученые — этнографы, психологи, социологи, культурологи. Среди них Э. Тайлор, Дж. Фрезер, К. Леви-Стросс, Б. Малиновский, М. Мид, З. Фрейд, К.Г. Юнг, А. Адлер, Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин, Т. Парсонс, Ю.М. Лотман, М. Фуко и др.

Несмотря на то, что статус запретов в ходе развития культуры менялся, многие архаичные формы запретов сохранились и по сей день, получив распространение в повседневной жизни и системе

воспитания. Весомая часть запретов утратила принудительный характер и стала восприниматься на уровне рекомендаций и пожеланий, призванных предупредить возможные последствия. К такого рода запретам люди относятся, как правило, снисходительно, не испытывая страха при их несоблюдении, исполняя их по инерции или по привычке.

Тем не менее в современной цивилизации последних двух столетий использование принудительной силы запретов сохранилось на уровне государственно-правовой системы и политико-идеологической сферы. Это привело к тому, что смысловое поле запретов подверглось изменениям и трансформациям. Выйдя из прежних локальных и строго ограниченных рамок, запрет обрел новые сферы действия, захватил новые пространства, «впитался» в отношения людей, сформировал систему тотального контроля и подозрительности. В своих крайних проявлениях объектом пристального внимания властных структур стал тотальный контроль, направленный на бессознательное подчинение граждан.

Проникновение запрета в социальную, политическую, художественную, научную сферы, в творческую деятельность повысило градус страха и напряжения, максимально раскрыв репрессивную функцию культуры как основного инструмента манипуляции сознанием человека и ограничения его свобод. Следствием этого стало появление цензуры, базирующейся на эмоционально-бессознательной структуре запрета как исторической форме принуждения. Но запрет как цензура приобретает иной смысл и назначение.

Цензура, это «недремлющее око», являет собой всеобщую форму контроля над образом мысли и поведением. Цензура включает многие психологические и социальные технологии, способные обеспечить страх и повиновение перед наказанием, а также ограничить свободу выбора и действий. Ее карательная модель располагается на границе наказания, значительно расширяя диапазон надзирательных санкций.

Цензура свидетельствует об опасности, исходящей от слова и образа мысли, от непривычных ценностных ориентаций, убеждений и иного образа жизни. Цензура берет на себя ответственность оценки произведений поэзии и прозы, веры и научной теории, политических взглядов и художественного стиля в искусстве. Цензура — чрезвычайно мощный механизм управления сознанием и поведением людей, используемый властью. Оформившись на опреде-

ленной стадии культурогенеза, она прочно внедрилась в систему социокультуры, адаптируясь к новым реалиям, «мутируя» в иные формы, впитывая новые технологические приемы, но по существу оставаясь прежней.

«Приливы» и «отливы» в работе институтов ценза, попеременная доминанта жестких санкций и борьбы за свободу слова лишь подтверждают устойчивость дисциплинарных схем, направленных на регулирование поведения человека. В свою очередь, своеобразный циклизм, выраженный в усилении и ослаблении внутрикультурного ценза, свидетельствует о бинарной динамике взаимодействия ценза и общества, при постоянном давлении первого. М. Фуко назвал подобную систему «карцерным архипелагом», переносящим технику надзора на все общество [1, с. 439].

Специфические институты ценза, распространившиеся в европейской культуре последних двух столетий, создали ситуацию «прозрачности» жизни каждого человека, подчиняющегося установленным свыше предписаниям. Используя целый спектр «гуманитарных технологий» [2], власть задействует множество приемов и механизмов, делая так, что принуждение становится добровольным, при этом власть избегает сильного давления, легализуя требования соответствующей дисциплины высокими целями. Благодаря своим методам и технологиям, цензура противостоит многим институтам либерализма и демократии, становясь основным инструментом воздействия власти на сферу духовной жизни. Опорой цензуры всегда были законы, указы, постановления и предписания, вводимые властью для стабилизации культуры и «душевного спокойствия», предотвращения пороков и преступных действий. В таком ракурсе цензура всегда была направлена на ограничение и пресечение разных форм инакомыслия, отклонений от принятой политики, распространенных стандартов поведения и стереотипов сознания.

Длительная история цензуры в европейской культуре позволяет представить систему контроля на различных, но взаимосвязанных уровнях: идеологическом, административном, образовательном, редакторском, исполнительском, карательном.

Идеологическая цензура накладывала запрет на все произведения и виды социальной деятельности, которые не соответствовали основным идейным и политическим позициям государственной или религиозной общественной мысли. *Административная цензура* означала создание целой сети специальных комитетов, комиссий,

институтов, занимающихся контролем за соблюдением идеологических требований во всех сферах социальной жизни. *Редакторская цензура* осуществлялась сотрудниками издательств, театров, радио и телевизионных студий. То же самое касается и контроля в *сфере исполнения*, проходящего через все необходимые редакторские и прочие «фильтры». Отдельное место в системе цензуры уделяется комплексу ограничений в *образовании*, содействующем «выковыиванию» представителей культуры по определенному образцу. Особенно сильной была *цензура судебных органов*, применяющая карательные меры к нарушителям. Сюда же следует отнести особый внутренний регулятор сознания и поведения, защитный механизм, основанный на добровольном принятии запретов — *самоцензуру*.

Каждый из названных уровней имеет свои целевые установки и особые предписания, исполнителей и контролеров, а также систему запретов и наказаний, психологических качеств и состояний сознания и поведения.

В России цензура имела длительную историю, выраженную в постепенном ограничении книгоиздания, деятельности прессы, постановки спектаклей, бытования фольклорных произведений и т.д. в интересах существующего государственного порядка и духовного климата. Особенно возросла карательная функция цензуры после 1917 года, а в 1922-м была создана всеобщая административная система цензуры практически во всех сферах общественной и даже личной жизни [3; 4]. Молодая советская культура стала приобретать формы «монолита», создавая мощные инструменты поддержания внутреннего единства и порядка.

Процесс «закручивания гаек» растянулся на долгие годы, а «железный занавес» стал символом новых пространственных рамок культуры, отгородившейся от неблагонадежных и опасных источников информации. Особенно остро данное ограничение дало о себе знать в гуманитарных сферах деятельности. Постепенно были сформированы административные органы, призванные осуществлять цензуру рукописей, контролировать сферу книгоиздания, отслеживать и «фильтровать» репертуар театров, контролировать массовые движения, «мониторить» и корректировать настроения в обществе. Так, был наложен запрет на «идеологически несовременные и невыдержанные» произведения, на литературу эмиграции. Показательным и типичным примером подобной политики является Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звез-

да» и «Ленинград»», принятое 14 августа 1946 года и подвергнувшее критике некоторые советские периодические издания и писателей. Например, в этом постановлении М. М. Зощенко был назван «пошляком и подонком литературы», в свою очередь А. А. Ахматова характеризовалась как «типичная представительница чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии» [5]. В таком климате все «несоветское творчество», а также все идеалистические и «ненаучные» теории подлежали строгому критическому разбору. Это привело к волне репрессий и арестов, к тюремным заключениям и преследованиям за «неблагожелательность» и «инакомыслие». Атмосфера подозрительности и страха пропитала общество, породив глубинные деформации в духовной жизни. Причем опасности подвергались не только художники, ученые, писатели, но и те, кто интересовался их творчеством, читая и сохраняя запрещенные произведения у себя дома, а также обсуждая их с другими людьми.

Цензура способствовала формированию «монохромности» сознания, использованию единообразных стереотипов поведения и критериев оценки действительности, внедрению в сознании людей «газетных лозунгов», укоренению «идеологических клише» в отношении интерпретации мировой и отечественной истории, в оценках событий современности. Из исторической памяти исчезали имена и достижения известных личностей, уничтожались памятники, нивелировалось значение некоторых цивилизаций и периодов истории, сокращались возможности доступа ко многим произведениям философии и литературы, перемещались в запасники и распродавались произведения неактуального искусства. Были наложены ограничения и запреты на целые направления в науке — в естествознании, медицине, психологии, социологии, философии и др. Были идеологически разгромлены гелиотараксия, тектология, кибернетика, педология, психоанализ, генетика, семиотика и т. д. В изобразительном искусстве подвергся гонениям авангардизм, в музыке — джаз и формализм. Для библиотек стало вполне привычным делом получать «списки изъятия» огромного числа книг, включая классиков литературы, а также философов и ученых, работы которых объявлялись идеологически опасными. Это выразилось в так называемом библиоциде, ограничении возможностей познания и интеллектуального роста человека.

Не менее строгий ценз коснулся всех конфессий, включая соответствующую литературу, посвященную деятельности церкви и

священнослужителей. Частичному уничтожению и изъятию подверглось религиозное искусство. Возникали барьеры, связанные с несовместимостью «карьерной лестницы» советского человека с вероисповеданием.

На протяжении истории советской культуры формировался определенный тип человека, обладающего особым массовым сознанием, для которого были характерны ясные и четко сформулированные ценностные ориентиры, разграничения между «советским» и «несоветским». Эта диспозиция даже в наше время находит свое проявление, несмотря на то, что изменились исторические условия, а прежние запреты ушли в историю. Многие наши современники до сих пор сохраняют в себе код советской культуры, с присущими ей фильтрами и цензом самоконтроля. Следует отметить, что в своей основе данный код, будучи целостным и гармоничным для определенной историко-культурной реальности, не может восприниматься как нечто сугубо отрицательное в плане тотального ограничения свобод. Напомним, что культурный «монolit» не может возникнуть и существовать без определенной степени ценза, и, кроме того, его ценз может приниматься людьми вполне осознанно и добровольно. Тем не менее осторожность, недоверие, подозрительность, осмотрительность и склонность во всем искать «умысел врагов», стремление к подчинению авторитетам и конформизм — эти и некоторые другие отрицательные черты сознания и поведения являются неременным спутником периодов тотального контроля, идеологических запретов и установок.

В постсоветской России периода перехода ситуация коренным образом изменилась. В 1991 году были упразднены многие организации, осуществлявшие функции ценза — Главлит, Главрепертком и др. Демократические преобразования провозгласили целый спектр личных свобод и защиту прав человека. В стране было создано множество независимых средств массовой информации и издательств, политических партий и движений, обществ и творческих союзов, религиозных организаций самого разного толка. Были изданы произведения деятелей культуры Серебряного века, советского диссидентства и андеграунда, труды представителей русской эмиграции, работы известных философов, экономистов, политиков зарубежных стран, которые не вписывались в политико-идеологическое пространство СССР и т. д. Значительно изменились и возросли культурные контакты и международные связи. Регулярно стали прово-

даться международные фестивали в сфере культурообмена, доступ к геокультурному пространству стал прозрачным и свободным. Все эти нововведения качественно изменили духовную атмосферу России, сделали ее открытой и восприимчивой к культурным достижениям народов мира.

Тем не менее, наряду с позитивными изменениями, отрицать которые нет смысла, возникли отрицательные последствия «переходности» в виде стремления к радикальному обновлению и раскрепощению всех сфер культуры и социума, вплоть до тотальной вседозволенности. Данные изменения, будучи встречены широкими кругами общества с большим энтузиазмом, всколыхнули культуру, породив ее глубокие метаморфозы и искажения.

И только теперь, по прошествии постсоветского этапа развития длиною в два десятилетия, становятся очевидными результаты такой вседозволенности и отсутствия сдерживающих механизмов, уравнивающих культуру и социум. Годы исторического перехода, наряду с радикальным обновлением отечественной культуры, привнесли в ее пространство множество заимствований из различных культур. И вместе с культуросозидающими последствиями данные заимствования нередко приводили к химерам и псевдоморфозам (внедрению совершенно чуждых форм в организм культуры, не приводящему к их гармоничному принятию) в области мировоззренческих и смысложизненных ориентиров, стереотипов поведения, повседневности, гендерной ориентации и т. д.

Как следствие, в современной России, избравшей путь консолидации новой культурной целостности, стали формироваться механизмы противодействия доступности любой информации некоторым возрастным группам. Под полный и действенный (не на бумаге) запрет попали источники экстремистской информации, а также ресурсы, призывающие к разжиганию межнациональной розни. Ограничиваются источники информации, оказывающие негативное воздействие на половое воспитание. Последовательно корректируется ценностно-смысловое пространство культуры детства. Ограничивается пропаганда и реклама некоторых продуктов и товаров, угрожающих здоровому образу жизни. Закрываются многие псевдорелигиозные организации и секты.

Будучи направленной на создание определенного уровня ограничений, данная ситуация рождает общественный противовес в виде тревожных предположений противников консервативно-

го пути о возвращении жесткой цензуры и тотального контроля. *В этих сомнениях выражен своеобразный парадокс относительно сути цензуры и необходимости ее ограниченного применения.*

Конечно, призывать к реанимации тотальной цензуры, как предлагают некоторые сегодняшние политики и медиаперсоны, совершенно неуместно. Ведь в своих жестких формах в тоталитарном обществе цензура себя полностью дискредитировала. Данный аспект был подвергнут сатирическому высмеиванию в антиутопии Дж. Оруэлла «1984», в которой главный герой служил в «Министерстве правды» и занимался переделкой всех печатных изданий в соответствии с указаниями Старшего Брата. В романе В. Набокова «Приглашение на казнь» книги сосредоточены в тюремной библиотеке и классифицированы так, что никто не может их отыскать. Р. Бредбери в фантастическом романе «451 градус по Фаренгейту» воспроизвел приказ о сожжении всех книг.

В данном случае нельзя забывать, что отсутствие тотального ценза ведет к демократичным критериям оценки реальных процессов в науке, искусстве, культуре, обществе. Механизмы саморегуляции культуры и социума могут полноценно работать только в свободной среде. Такая среда рождает более эффективные формы управления сознанием и поведением, нежели идеологическое принуждение, которое ведет к неисчислимым бедствиям и наносит урон интеллектуальному ресурсу культуры. Страница тотального контроля и запретов перевернута в истории России и никогда не должна повториться, даже в условиях преодоления хаоса вседозволенности.

Таким образом, перед сегодняшней властью встает задача поиска баланса применения цензуры в ее мягких, но необходимых формах, не нарушающих демократических ценностей и свобод граждан. Но при этом необходимо поддерживать определенный уровень целостности становящейся социокультурной реальности, и без ценза в данном случае обойтись крайне проблематично.

Библиографический список

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
2. Тхагапсоев Х. Г., Мосолова Л. М., Леонов И. В., Соловьева В. Л. Идентичность как навигатор сознания: монография. СПб.: Астерион, 2016. 170 с.

3. Блюм А.В. За кулисами «Министерства Правды». Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб.: Академический проект, 1994. 320 с.
4. Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953. СПб.: Академический проект, 2000. 310 с.
5. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». 14 августа 1946 г. № 274 // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. С. 587–591.

References

1. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. Moscow, Ad Marginem, 1999, 479 (In Russ.).
2. Tkhangapsoev K. G., Mosolova L. M., Leonov I. V., Soloviova V. L. Identity as a Navigator of consciousness: monograph. Saint-Petersburg, Asterion, 2016, 170 p. (In Russ.).
3. Blum A. V. Behind the scenes of the «Ministry of Truth». The secret history of the Soviet censorship 1917–1929. Saint-Petersburg, Academic project, 1994, 320 p. (In Russ.).
4. Blum A. V. Soviet censorship in the era of total terror 1929–1953. Saint-Petersburg, Academic project, 2000, 310 p. (In Russ.).
5. Decision of the Organizing Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the magazines Zvezda and Lenin-grad. August 14, 1946, No. 274. Power and artistic intelligence. Documents of the Central Committee of the RCP (b) — VKP (b), the Cheka — OGPU — NKVD on cultural policy. 1917–1953 / ed. Acad. A. N. Yakovleva. Moscow, MFD, 1999, pp. 587–591.